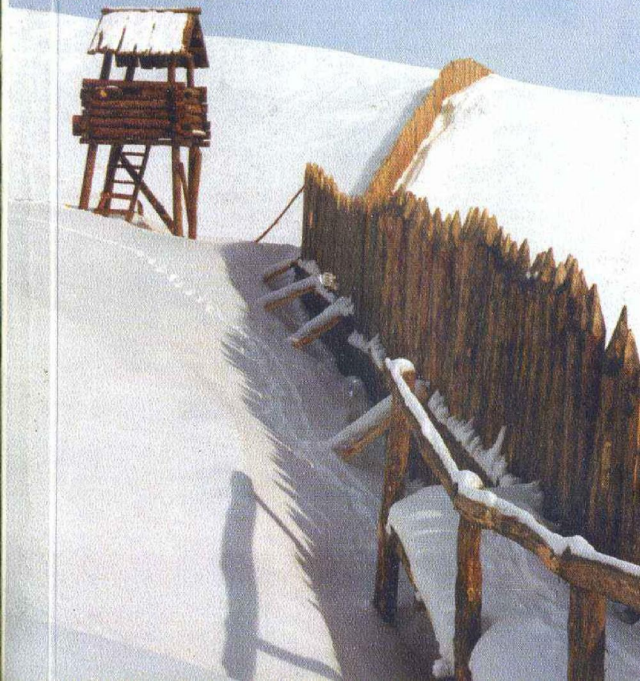

№ 6

ГОСТИНЫЙ ДВОР

К двухсотлетию со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина

*Татьяна Николаевна Савинова
родилась в Оренбурге.
Окончила факультет
русского языка и литературы
Оренбургского педагогического
института
и Самарский институт
культуры и искусств.
Преподавала
в средних школах города.
В настоящее время —
ведущий библиограф
областной
научной библиотеки
им. Н. К. Крупской.*

Татьяна Савинова

Зарисовки оренбургского быта 30-х годов XIX века

Возьмите в руки перо или карандаш, положите перед собой большой лист бумаги или склейте их несколько десятков вместе; начните карандашом с одного конца и ведите прямо, до другого края бумаги, а потом подпишите выше черты: небо, а ниже: земля... Итак, вы познакомились с видом в зауральскую степь; справедливость требует, однако же, сказать, что такой печальный вид степь представляет только, начиная от Оренбурга до взморья... Выше — места разнообразные, частью гористы и лесисты; но бедный Оренбург; перенесенный с места на место до трех раз, судьбы своей не миновал: он наконец-таки расположился в безлесной и голой пустыне, — так выразил В. И. Даль в повести «Бикей и Мауляна» свои впечатления от Оренбурга и его окрестностей. И таким ожидали его увидеть те, кто должен был приехать в город по долгу службы. Любопытство, тоска или чувство злой неизбежности властвовали над подъезжающими к степной столице по одной из нескольких «больших» дорог, ведших к Оренбургу в первой половине XIX в.

1.

В отчете за 1834 г. военный губернатор В. А. Перовский сообщал, что «по бедности, малочисленности и удалению жителей от дорог, состояние их не доведено до надлежащего совершенства». Особенно это относилось к Оренбургскому уезду. «При нынешнем состоянии почтовых дорог, — докладывал далее Перовский, — проезжающие лишены на пути своем и крова, и всякого убежища... По всей губернии станционные смотрители помещаются на квартирах с большими неудобствами». Только Управление Уральского войска располагало по всей линии «опрятными комнатками для проезжающих».

Специальных промыслов в казачьем войске не существовало, но, помимо всего прочего, казаки также занимались извозом и содержанием почтовых станций. И хотя В. А. Полторацкий в своих «Воспоминаниях» конца 1860-х гг. писал, что станция — все та же мазанка,

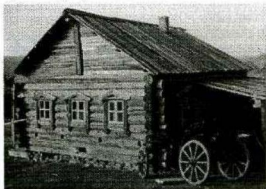
вообще же вид казачьих домов, по описанию Ф. М. Старикова, «довольно благоустроен, „весьма опрятен“. Дома построены, в основном, из сосновых, лиственничных, иногда березовых бревен и состоят из двух комнат, разделенных холодными сенями.

2.

В. И. Даль, много поездивший по губернии за годы службы чиновником особых поручений при губернаторе, считал, что «на башкирских и казачьих лошадях, с лыковой упряжкой, по небитым дорогам, с несукими лошадьми и кучерами, ездить в колясках или даже в бричках было решительно невозможно». И «самым удобным и выгодным средством для езды в поле и в дороге — ломки мало и опрокинуть его почти нельзя вовсе», — был «карандас, или, по-симбирски, тарантас, а также разлюли-долгуша — повозка на долгих, зыбких дорогах». «На карандасах», — писал Даль в примечаниях к публикации своих писем в журнале «Северная пчела» (1833), — ездят в Перми, Симбирске, Казани, Оренбурге. Простота постройки делает его весьма надежным и крепким; длинный широкий ход необыкновенно остойчивым, а долгие, в 2 и 3 сажени, дроги заменяют, зыбкостью своей, рессоры». С Далем вполне соглашался и Н. Н. Карзин, посетивший губернию во второй половине XIX в.: «Тарантас — это типичный, универсальный экипаж, созданный строною несобятною, дорогами, измеряемыми тысячами верст... Тарантас должен быть крепок, удобочиним во всякой беднейшей кузнице и даже среди дороги, легок, устойчив, накатист, много вместим...».

Но не только на тарантасах ездили в Оренбургской губернии. Каждого, вновь

Коляска (реквизит со съёмок кинофильма «Русский бунт»)

приехавшего в губернскую столицу, поражало, подобно Далю, наличие в «киргизской степи» карет и колясок. «Да, господа, — восклицал автор в повести «Бикей и Мауляна», — так было, и так бывает ныне и будет вперед. Оренбург, в котором с каждого перекрестка во все четыре стороны виден крепостной вал, вмещает в себе почти столько же рыдванов и колымаг, сколько числится в городе малых и больших домов. Куда на них ездят? — спросите вы; да мало ли куда: то за угол, то за другой, — визит, дамский визит, сами вы знаете, дело великое, а с визитом не ходить же пешком, да и не ездить же, упаси Бог, и на дрожжах».

Но самой шикарной, без сомнения, должна была быть карета губернатора, далеко не чуждого роскоши, как отмечали все современники Перовского. И в марте 1835 г. он заказал себе в Москве карету с губернаторскими вензелями на дверцах, запрягающуюся четвернею лошадей. Внутри ее делила на две половины зеркальная стенка. Одну часть вместительной кареты занимали адъютанты, другую — губернатор. Г. С. Карелин, писавший об этом своей жене из Москвы в Оренбург, не только рассказал о своих впечатлениях от шикарной кареты и поездки в ней с Перовским от первой станции по тракту Москва—Петербург, но и передал тревогу губернатора по поводу возможности доехать в ней до Оренбурга.

3.

Что ожидал увидеть всякий приехавший в наш степной город? Разумеется, что-то экзотическое. И, конечно же, видел. В упоминавшейся уже повести В. И. Даль пишет: «В толпе... поражает нового зрителя странность одежды и нарядов, а слушателя общее употребление татарского языка. Тут видите вы многополосные халаты, желтые и красные кожаны, сшитые шерстью вверх конные дохи и яргаки, тут шапки невиданного покроя и неслыханного цвета, кожаные шаровары и армяки; и все это изношено, изодрано — что и придает целому какой-то пестрый, махровой вид». Азиатские наряды тем более бросались в глаза путешественникам, что в селах и станицах, расположенных по тракту, они видели привычную для глаза русскую одежду: сарафаны, рубахи, лапти. Видели — но как бы не замечали. Не случайно даже в музее этнографии огромный

хоть, не щегольство здешних жителей, но вся линия, все народы и сословия линейных жителей носят каждодневно халаты эти, как русский мужик свою сермягу».

4.

«Высшее» общество Оренбурга, состоявшее из крупных чиновников, офицеров и их домочадцев, как могло старалось придерживаться столичных вкусов и моды. Сыновья и дочери местной знати учились или гостили у родственников в Москве и Петербурге, главы семейств бывали в столицах по делам службы. И хотя почта отправлялась и получалась в Оренбурге только раз (позднее три раза) в неделю, это не мешало быть в курсе литературных новинок, столичных сплетен, новостей научной и общественной жизни.

Г. С. Карелин, вызванный весной 1833 г. в Петербург по служебным делам и живший там в доме В. В. Энгельгардта, писал жене в Оренбург о всех знакомых-оренбуржцах, встреченных им в столице, которых было, кажется, половина города: «молодец и умница, только франтит» юнкер Кульминский; братья Веселицкие, из которых старший «повеса бесшабашный, но умен и очень остер»; «твой любимец Алексей Осокин — премилый и умный малый»; Тимашевы, «из которых младший хорош, как Амур, а старший знает все и в особенности то, что ему знать не надобно»; «славный и умный и основательный малый» Рычков; атаман Уральского казачьего войска В. О. Покатилов с сыновьями.

Сама же Александра Карелина активно переписывалась со своей подругой по пансиону Софьей Дельвиц; женой лицейского товарища Пушкина Антона Дельвига, и была в курсе жизни петербургских литературных салонов.

Сундук-касса

регион, включавший Нижнее Поволжье и Урал, представлен всего двумя женскими городскими костюмами, и то начала XX в. (один из Самарской, другой — из Оренбургской губерний), и венчальной одеждой уральской казачки (1893 г.).

Только в нескольких работах: в определителе «Крестьянская одежда населения Европейской России», в «Историко-статистическом очерке Оренбургского казачьего войска» Ф. М. Старикова, в «Описании Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях» и в трехтомнике «История казачества Азиатской России» — есть более или менее подробное описание русского крестьянского и казачьего бытового костюмов. Но в них, к сожалению, почти нет ни рисунков, ни красочных фотографий.

В первой половине XIX в. в оренбургских деревнях можно было увидеть традиционный для выходцев из той или иной губернии комплекс одежды. Но, особенно в казачьих станицах, живописность ему придавали халаты, в избытке привозившиеся из Азии. «Халаты эти, — писал В. И. Даль, — составляют не при-

В небольшом городе, где люди своего круга хорошо друг друга знали, где всякая новая информация распространялась быстро и была предметом общего интереса, — практически любой, принадлежавший дворянскому, а возможно, и купеческому сословию, мог в общем-то запросто попасть в те же дома, где незадолго до этого побывал, скажем, Пушкин. Так случилось с Евгенией Ворониной, известной своими «Письмами». Едва приехав в Оренбург, она сразу же

познакомилась с первой женой В. И. Даля Юлией, совершила паломничество по стопам Пушкина, а потом развлекалась так, как это было возможно в городе, не имевшем ни театра, ни концертов: званые обеды; музыкальный вечер, устроенный отцом ее подруг П. И. Шелашниковым, на котором, среди прочих исполнителей, В. И. Даль с женой спели несколько русских песен; прогулки в Зауральную рощу, восхитившую Воронину своими видами (в отличие от многих других заезжих и путешествующих); визиты. Устраивались в оренбургских домах и танцевальные вечера и балы.

Тридцатые годы XIX в. в Оренбурге — это время Перовского. «Человек холостой, любивший хороших женщин», В. А. Перовский, по воспоминаниям Н. Г. Залесова, открыл для оренбургских дам «широкое поле интриг; с целью привлечь к себе расположение красивого корпусного командира». «Такой начальник, — писал далее генерал, — если только он хотел, мог вполне играть роль султана в своей области. Достаточно было... слова его, чтобы карьера подчиненного была сразу уничтожена, или наоборот... А блестящие балы Перовского, попасть на

которые для людей, живущих в захолустье, разве не было особым счастьем, а роскошные подарки, которые он со всею светскою любезностью подносил дамам, пользовавшимся даже самым незначительным его вниманием, не составляли притягательной силы? К этому надо добавить казенные помещения, дрова и сено, которые он раздавал по произволу, и при этом, например, дрова за самую ничтожную цену, что при недостатке хороших квартир в Оренбурге и дороговизне

топлива играло значительную роль в жизни служащих. Словом, от главного начальника, так сказать, зависела вся нравственная и материальная обстановка подчиненного.

Понятен будет после этого и тот образ жизни, который вело большинство хороших дам высшего оренбургского общества; они веселились до упаду на балах Перовского, дома жили привольно, благодаря его же милостям и в силу этого и прекрасной его наружности только и хлопотали о том, чтобы сойтись с ним поближе. К сожалению, желающих было много, а избранных мало, и потому многие удовлетворялись тем, что отдали свои симпатии кому-либо из близких Перовскому лиц из той блестящей толпы светской молодежи, которую он привез с собою из Петербурга. Но раз почувявший свободу конь, как говорят, несется далее, так было и здесь ко времени приезда в край Обручева: половина молодых дам из высшего круга была уже замешана в разных интригах.

Впрочем, весь «свет» так жил. Не стал исключением и Оренбург, маленькая степная столица: и здесь во всем следовали стилю жизни и моде, будь то человеческие отношения, одежда или интерьер.

И все же: «Не хотел бы я служить, а еще менее проживать в этом несимпатичном крас», — писал В. А. Полторацкий, выражая мнение многих путешественников. Маленький, одноэтажный, пыльный, хотя и колоритный Оренбург («не то Россия, не то Азия!» — по выражению Полторацкого) весь XIX в. продолжал вызывать противоречивые чувства и любопытство, отталкивая климатом и условиями жизни и привлекая своей интересной историей. Долгое время это был город приезжих и заезжих, стремившихся как можно скорее покинуть Оренбург, чтобы вернуться в родные пенаты или продолжить более увлекательное путешествие. Поэтому многие воспоминания, в том числе и процитированные, отражают негативное восприятие города и края. Их взгляд на Оренбург был несколько свысока.

Тип коренных оренбуржцев, спокойно, по-родственному, воспринимающих и любящих степное раздолье, сформировался не в высших слоях общества и, пожалуй, уже во второй половине XIX в.

Примечания

Полторацкий Владимир Алексеевич (1828-1889) — генерал-майор, участник войн на Кавказе, в Туркестане, в Болгарии. В 1869 г. посетил Оренбург, направляясь к ме-

сту службы в Ташкент. С 1846 г. и до последних дней жизни вел дневник, отрывки из которого напечатаны в «Историческом вестнике» за 1893 г.

Карелин Григорий Сильч (1801-1872) — путешественник, ученый-натуралист. С 1822 по 1840 гг. жил в Оренбурге, принимал участие во многих экспедициях в Киргизскую степь, Сибирь, на берега Каспийского моря, где в 1834 г. основал форт Ново-Александровск.

Залесов Николай Гаврилович (1828-1896) — генерал-от-инфантерии. Выпускник Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса, с 1848 по 1850, затем с 1856 по 1870 гг. служил в Оренбургском военном округе; участник миссии (1856 г.) в Хиву и Бухару.

Стариков Федор Митрофанович (1840-1911) — генерал, атаман 2-го отдела Оренбургского казачьего войска, автор книг по истории Оренбургского казачества.

В оформлении материала использованы фото А. Чубарева (музей истории города Оренбурга)

Парадные портреты Николая II и Александры Фёдоровны. Обнаружены в 1922 г. при ремонте крыши одного из домов в Форштадте

Сравнительная ведомость
 (материал и ответственности) продовольственных
 на 1899 год.

№ 7

20

22

г. губернская
 Оружейная

Четверть июль.
 Круга.
 Оса.
 пуда сена.
 Сокош.

Казанский:

Четверть июль.
 Круга.
 Оса.
 пуда сена.
 Сокош.

Пермский.

Четверть июль.
 Круга.
 Оса.
 пуда сена.
 Сокош.

Известия по количеству		Известия по количеству	
рубли	копейки	рубли	копейки
9	.	12	45
14	.	14	51
4	.	3	65 $\frac{3}{4}$
.	21	.	34
.	8	.	9 $\frac{1}{2}$
4	85	10	14 $\frac{1}{2}$
13	.	14	56 $\frac{3}{4}$
4	.	4	2
.	35	.	26 $\frac{1}{4}$
.	10	.	10
10	.	10	99 $\frac{3}{4}$
15	.	17	97
3	.	4	41
.	35	.	26 $\frac{1}{4}$
.	8	.	10